

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

- *Социокогнитивная и коммуникативная парадигмы в интерпретации норм научной рациональности*
- *Коммуникативная рациональность как сфера реализации аксиологической аргументации*

УДК 001:165.0

Социокогнитивная и коммуникативная парадигмы в интерпретации норм научной рациональности

В. С. Сайганова, кандидат философских наук*

Статья посвящена интерпретациям норм научной рациональности в социокогнитивной и коммуникативной парадигмах современной философии и методологии науки. Выделены основные подходы к интерпретации норм научной рациональности в современных философско-методологических исследованиях. Обосновано формирование системной организации норм научной рациональности дополнительно социокогнитивной и коммуникативной парадигм.

Ключевые слова: критерии научности, научная рациональность, научное познание, нормы научной рациональности.

Interpretations of the Norms of Scientific Rationality: Social-Cognitive and Communicative Paradigm

V. S. Sayganova, PhD in Philosophy

The article deals with interpretations of the scientific rationality norms in social-cognitive and communicative paradigm in modern philosophy and methodology of science. The main approaches to the interpretation of the scientific rationality norms in present day philosophic-methodological investigations are singled out. Formation of the systemic organization of the scientific rationality norms has been proved by mean of complementarity of social-cognitive and communicative paradigm.

Keywords: criteria of scientificity, scientific rationality, scientific cognition, norms of scientific rationality.

Научная рациональность, являясь одним из смыслообразующих ориентиров современной цивилизации, претерпевает процесс постоянного обновления и не только обнаруживает свою непреходящую значимость в научной практике, но и становится объектом философско-методологической рефлексии. В силу сложности и противоречивости статуса научной рациональности в культуре тема норм научной рациональности приобретает широкую популярность в научно-исследовательских кругах, репрезентируя многочисленные попытки интерпретации смыслового содержания норм научной рациональности, а также новые методологические ориентиры в исследова-

нии их динамики. В связи с этим возникает необходимость концептуального осмысления норм научной рациональности и основных трендов динамики их обновления в социокогнитивной и коммуникативной парадигмах, которые являются наиболее перспективными и репрезентативными в современной философии и методологии науки.

Анализ научной рациональности современного типа выдвигает перед исследователями необходимость либо включения в этот анализ аксиологических, социально-ценностных компонентов, либо отказа от жестких критериев и нормативов научной деятельности. Социокогнитивная и коммуникативная парадигмы современных философско-методологических исследований научной рациональности в зависимости от актуализации субъект-объектных или субъект-субъектных отношений в научном познании, соответственно, де-

* Старший преподаватель кафедры философии и методологии науки ФФСН БГУ.

монстрируют различные варианты решения этой проблемы.

Представители социокогнитивной парадигмы (В. С. Степин, В. Н. Порус, Дж. Холлтон, В. Ньютон-Смит) признают субъект-объектное рассмотрение научной рациональности, а также необходимость ее выражения определенными нормативами, регулятивами и критериями, которые призваны не только специфицировать научную рациональность в статике, но и репрезентировать ее динамику.

Коммуникативная парадигма характеризуется совокупностью исследований, акцентирующих субъект-субъектную природу рациональности и не рассматривающих научную рациональность в нормативном аспекте. В рамках коммуникативной традиции исследования рациональности необходимо выделить два направления: «крайний коммуникативизм», тяготеющий к релятивизму и развивающийся преимущественно в рамках прагматистских концепций Р. Рорти и Х. Патнема, и «умеренный коммуникативизм», получивший свое развитие в концептуальных моделях коммуникативной рациональности (коммуникативная рациональность в теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, теория интерсубъективности К. Хюбнера) и др.

Следует отметить, что социокогнитивная традиция развивается преимущественно на стыке естественнонаучной и гуманитарной парадигм знания, а, в свою очередь, коммуникативная — в большей степени репрезентирует социально-гуманитарную парадигму исследований научной рациональности.

Развитая В. С. Степиным концепция оснований науки, дифференцированных в виде структурных компонентов, позволяет детально исследовать механизмы социокультурной детерминации научного познания. С одной стороны, структурные компоненты оснований науки предстают в виде «каналов», через которые эмпирические и теоретические знания включаются в культуру, с другой стороны, они опосредуют влияние социальных ценностей и приоритетов на научный поиск. Рассмотрение оснований науки и их эвристической роли в процессе становления и динамики науки позволяет обнаружить механизмы взаимосвязи внутренней и внешней структуры науки. Основания науки способствуют росту научного знания до определенного момента. Когда же в орбиту исследования вовлекаются новые типы объектов, можно столкнуться с ситуацией, которая ведет к перестройке оснований науки, либо в виде внутридисциплинарного развития знания, либо в результате междисциплинарного

взаимодействия, что позволяет объяснить механизмы возникновения нового знания, учитывая специфику функционирования науки на определенном этапе ее исторического развития [1]. Выделяя в качестве метатеоретических оснований науки идеалы и нормы научного познания, В. С. Степин придерживается нормативного анализа научной рациональности.

В. Н. Порус предлагает системно-моделирующий подход к проблеме научной рациональности и ее норм [2, с. 91—120], в рамках которого также обращается внимание на научную рациональность в контексте социальных условий ее развития, но в то же время указывается на междисциплинарные модели научной рациональности. В рамках социальных условий научной рациональности необходимо учитывать, что социальный контекст познавательной деятельности может играть в развитии научной рациональности не только конструктивную роль. Социально-культурная обусловленность науки иногда может оказывать на нее негативное, деформирующее воздействие. В связи с этим В. Н. Порус обращает особое внимание на тот факт, что какие бы слабые формы ни принимала социально-культурная детерминация, само ее существование поднимает вопрос о том, как в условиях такой детерминации научное познание оказывается деятельностью, в процессе которой достигается научное знание [2, с. 95—100].

В западной философии науки проблема норм научной рациональности получила свое развитие в концепции «тематического анализа науки» у Дж. Холтона [3]. Такого рода анализ призван находить в развитии науки определенные черты постоянства, то есть некоторые инвариантные структуры, которые воспроизводятся даже в революционные периоды развития науки. Смысловой концепт «тематы науки» включает в себя понятия, гипотезы, эвристические правила, определяющие программу исследований, способ решения фундаментальных проблем, а также фиксирует личную оценку и индивидуальное предпочтение, отдаваемое ученым той или иной гипотезе, проблеме или теории. По мнению Дж. Холтона, «тематический анализ» во многом схож со структурным анализом в гуманитарных науках и может привести к открытию глубинных черт родства между естественным и гуманитарным научным знанием. «Тематические структуры» у Дж. Холтона надисторичны и не зависят от конкретного исторического этапа развития науки, что позволяет локализовать научное событие в историческом пространстве и времени. Это, в свою очередь, дает возможность рассматривать развитие научного знания как диалек-

тический процесс борьбы между противоположными «темами» [3, с. 48—63].

Рациональную концепцию науки отстаивает в зарубежной философии науки и В. Ньютон-Смит. Размышляя о возможности рациональной оценки исторических изменений научного знания, он выделяет две модели, объясняющие перемены в науке: рациональные и нерациональные. Рациональность модели определяется двумя главными чертами: во-первых, она постулирует целенаправленность научной деятельности; во-вторых, предлагает определенную методологию, позволяющую сравнивать различные системы научного знания по степени достижения установленной цели [4, с. 111—123]. В. Ньютон-Смит предлагает вариант «умеренного рационализма», «умеренность» которого состоит в том, что, исходя из рационалистских установок, необходимо отказаться от веры в единственность и абсолютность своей методологии, а правильность методологии сверять по достигнутому прогрессу в науке: если прогресс (повышение степени правдоподобия научных суждений) достигнут, то это оправдывает методологию. Таким образом, рациональная модель объяснения научных изменений, предлагаемая умеренным рационализмом, заключается в том, что между методом науки и повышением степени правдоподобия научных суждений устанавливается коррелятивная связь. «Умеренный рационализм» отказывается от статических и прибегает к динамическим моделям научной рациональности.

Таким образом, в рамках социокогнитивной парадигмы исследования научной рациональности, ее критериев и норм исходят из установки о том, что научная рациональность, несмотря на ее социокультурную обусловленность, все-таки должна быть выражена определенными нормами и критериями, но эти нормы и критерии должны отражать динамику научной рациональности.

Позиция представителей коммуникативной парадигмы исследования научной рациональности отличается тем, что ее приверженцы не проводят анализ научной рациональности с позиций выделения ее норм и критериев, а, более того, сознательно дистанцируются от эпистемологической проблематики. Рассматривая научную рациональность в рациональности человеческого действия и общения, позиция «коммуникативизма» эксплицирует субъект-субъектный характер рациональности и ставит во главу угла не когнитивные, а коммуникативные аспекты различных сфер человеческой деятельности, в том числе и науки.

Рассмотрение этой позиции может быть начато с анализа ее первой проекции — «крайнего ком-

муникативизма», развивающегося преимущественно в рамках неопрагматистских концепций Р. Рорти и Х. Патнема.

Синтезируя на базе платформы неопрагматизма широкое поле идей современной мысли от постпозитивизма до постструктурализма, герменевтики и других направлений, Р. Рорти в своей интерпретации феномена межчеловеческой коммуникации приходит к отрицанию возможности обнаружения обеспечивающих ее универсальных рациональных стандартов. Рационализму эпохи модерна он противопоставляет, прежде всего, идеи радикального номинализма и историзма, которые запечатлеваются в факте уникальности, случайности происходящих событий, требующих собственного языка описания, что изначально исключает наличие каких-то стандартов рациональности [5, с. 379—381]. Проблема рациональности вообще имеет какой-то смысл, только если она сформулирована не на языке традиционной философии с ее фиктивным словарем, а по-новому, как проблема разумной аргументации. Однако отказаться от рациональности и заменить ее разумной аргументацией Р. Рорти так и не удалось, так как сама постановка вопроса о рациональности уже подразумевает его важность для данного исследования. Р. Рорти также не смог окончательно отказаться и от критериев научной рациональности, так как предлагает в качестве требования для разумной аргументации в науке успешное содействие достижению целей, что может быть расценено как попытка отделить разумную аргументацию от неразумной, то есть предложить некий прагматистский критерий такого разделения.

К интерпретации рациональности с точки зрения прагматизма прибегает и Х. Патнэм в своей «конвергентной теории» научной рациональности. Рациональность, по его мнению, имеет двойственную природу. С одной стороны, она не существует вне конкретно-исторических и культурно обусловленных форм. С другой стороны, она является регулятивной идеей, которой мы руководствуемся, когда подвергаем критическому разбору любые формы своей деятельности и познания [6, с. 472—494]. Что касается истинности какой-либо данной теории, то этот вопрос решается коллективным приговором ученых. Очевидно, что при таком подходе всякое наличное состояние рациональности — это некое множество сходящихся критериев, принятых в науке, причем для конкретных оценок могут применяться самые различные критерии. Получается, что и истина, и рациональность плюралистичны, и это очень значительный уклон концепции Х. Патнема, как и, соб-

ственно, Р. Рорти, в сторону релятивизма в духе постмодернистской философии.

Наибольший интерес в рамках исследования норм научной рациональности представляют коммуникативные модели рациональности, относящиеся к позиции «умеренного коммуникативизма», так как в рамках этой парадигмы однозначно признается и по-своему обосновывается сам факт существования рациональности как одной из основополагающих ценностей и целей европейской культуры и, по крайней мере, предполагается проблема существования норм и правил, признаваемых и принимаемых участниками коммуникативного отношения для осуществления рационального дискурса, в том числе и научного.

Первым авторитетом в исследовании коммуникативной рациональности по праву считается немецкий мыслитель Ю. Хабермас, который в своей концепции сумел синтезировать идеи К. Апеля о нормативно-прагматических основах речевой коммуникации и коммуникационного сообщества, положения Н. Лумана о том, что общество является коммуникативной системой, а также трансформировал представления М. Вебера о целерациональности социального действия. Осуществляя сопоставление понятий «коммуникация» и «рациональность», Ю. Хабермас предлагает ограничить поиск новой рациональности сферой коммуникации [7].

В обосновании модели коммуникативной рациональности Ю. Хабермас выступает непреклонным оппонентом теоретиков постмодернизма и утверждает непреходящую универсальность критериев разума. В то же время мыслитель исходит из идеи историчности самой рациональности и необходимости утверждения в современной культуре нового типа рациональности — коммуникативного.

Осуществленная Ю. Хабермасом реконструкция понятия рациональности исходит из идеи историчности и динамики типов рациональности в культуре. Становление коммуникативной рациональности преодолевает субъект-объектную ориентацию рациональности на соответствие трансцендентальным сферам разума либо условиям (процедурам) возможности познания и утверждает принципиальную позицию субъект-субъектного отношения. Новая рациональность возникает в процессе интеракции, вне ее не существует и, по сути, тождественна самим правилам коммуникации, признанным и принятым на основе согласия. Коммуникативная рациональность проявляется в повседневной практике общения и базируется на имплицитной способности участников коммуникации к установлению межличностных отноше-

ний (иллокутивная сила речевых высказываний) и предпосланной основе жизненного мира (передающийся посредством культуры и организованный с помощью языка запас образцов истолкования). Коммуникативная рациональность означает ориентацию способных к языку и действию субъектов на свободное от принуждения взаимопонимание в процессе дискурса как тематического пространства аргументации и рефлексии на основе выдвижения и реализации универсальных притязаний на значимость всякой коммуникации (понятность речи, истинность знания, правдивость намерения и правильность действия), смысл значимости которых состоит в возможности их intersубъективного признания [7, с. 321—328]. Получается, что коммуникативная рациональность конституируется в процессе самого дискурса, в ходе субъект-субъектного взаимодействия, и в дальнейшем она оказывается свободной от готовых правил, критериев, норм, а тем самым свободной для творческого проникновения и новаций.

Таким образом, теория коммуникативного действия и проект коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса несут в себе как критический импульс постметафизической эпохи, так и позитивную стратегию новой интерпретации социокультурной реальности. При рассмотрении эволюции общества как единого коммуникативного целого Ю. Хабермас предполагает одновременно существование как персональной автономии, так и сообщества участников диалога, которые своевременно обнаружат некоторые нормативные и правовые рамки своей жизнедеятельности.

Наука как форма общественного сознания и социальный институт в лице научного сообщества выступает значимым субъектом интеракции в коммуникационном поле современной культуры. Можно предположить, что с позиций Ю. Хабермаса экспликация научной рациональности возможна лишь как разновидность коммуникативной рациональности в контексте собственно научного дискурса. Такая экспликация вполне соответствует духу проекта коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса, где определение рациональности вне дискурса является в принципе невозможным, так как вне дискурса нет и рациональности. В то же время представление научной рациональности в форме научного дискурса имеет реальные основания в объективных характеристиках и новых размерностях современной науки.

Продолжая интерпретацию современных коммуникативных моделей рациональности в аспекте их сопричастности к анализу научной рациональности, можно заметить, что большинство их авторов репрезентирует лишь отдельные, хоть и суще-

ственные, коммуникативные характеристики научной деятельности. Показательной в этом плане представляется позиция К. Хьюбнера, который предпринимает определенные шаги для объединения моделей рациональности в рамках философско-методологического подхода. Рациональность по К. Хьюбнеру проявляет себя в интересубъективности. Под интересубъективностью автор имеет в виду некую общезначимость, обеспечивающую продуктивную интеллектуальную коммуникацию [8]. К. Хьюбнер выделяет пять основных форм интересубъективности, а именно: семантическую (общая приемлемость понятий и суждений), эмпирическую (обоснованность высказываний эмпирическими фактами), логическую (обоснованность высказываний логическими выводами), операциональную (воспроизводимость определенных видов деятельности) и нормативную интересубъективность (общее согласие относительно правил поведения) [8, с. 44—56]. Следует отметить, что К. Хьюбнера интересует не то, чем является рациональность как таковая, а то, в каком смысле употребляется это слово сегодня. Таким образом, интересубъективность понятий и суждений и есть для К. Хьюбнера проявление рациональности. Однако такое отождествление рациональности и интересубъективности допустимо, если речь не идет о собственно научной рациональности. Опоры только на интуицию «интерсубъективности» оказывается недостаточно при анализе научной рациональности.

В итоге рассуждений о научной рациональности и ее нормах в рамках социокогнитивной и коммуникативной ее интерпретаций можно сказать, что все выделенные подходы сосуществуют в культуре, сложно переплетены, но каждый играет свою роль на своем месте. Предлагаемый коммуникативистской традицией новый тип рациональности открывает себя в современности как субъект-субъектная рациональность, что свидетельствует о расширении понимания рациональности путем включения в ее основу таких компонентов, как интуиция, чувственность, субъективность и др., которые отбрасывались предшествующей традицией и не рассматривались в качестве необходимых и значимых. Анализ коммуникативной рациональности лежит в основном в плоскости социально-гуманитарной парадигмы научного знания. В целом, не противопоставляя, а сопоставляя социокогнитивную и коммуникативную традиции, следует исходить из взаимодополнительности последних в исследовании норм научной рациональности. Дополнительность здесь понимается не только как сочетание взаимно сопряженных по смыслу (противоречащих друг другу,

если это сопряжение игнорируется) описаний и объяснений норм научной рациональности, но и как фундаментальный принцип построения современной концепции норм научной рациональности. Ни социокогнитивную, ни коммуникативную трактовки динамики норм научной рациональности нельзя считать самодостаточными: только в их сопряженности и взаимодополнительности можно прийти к обоснованию и утверждению нового типа рациональности в культуре.

Список цитированных источников

1. *Степин, В. С.* Научное познание в социальном контексте. Избранные труды / В. С. Степин. — Минск, 2012.
2. *Порус, В. Н.* Парадоксальная рациональность (очерки о научной рациональности) / В. Н. Порус. — М., 1999.
3. *Холтон, Дж.* Тематический анализ науки / Дж. Холтон. — М., 1981.
4. *Newton-Smith, W. N.* The rationality of science / W. N. Newton-Smith. — London, 1981.
5. *Rorty, R.* Science as Solidarity / Rorty R. // Objectivity, Relativism, and Truth / R. Rorty. — Cambridge, 1991. — P. 21—34.
6. *Патнэм, Х.* Реализм с человеческим лицом / Х. Патнэм // Аналитическая философия: становление и развитие: антология. — М., 1998. — С. 466—494.
7. *Habermas, J.* Theorie des kommunikativen Handelns / J. Habermas // Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung. — Frankfurt am Main, 1981.
8. *Хьюбнер, К.* Критика научного разума / К. Хьюбнер. — М., 1994.

Дата поступления в редакцию: 09.09.2013 г.